

A romantic painting depicting a man and a woman in a classical setting. The man, wearing a dark tunic and a feathered hat, is embracing the woman from behind. The woman is dressed in a long, flowing white gown. They are standing in a courtyard or balcony area, with a large, twisted column and a view of a city in the background. The scene is bathed in warm, golden light, suggesting a sunset or sunrise. The overall mood is intimate and romantic.

Валентин
Колесников

*Лабиринты
души. Новелла*

18+

Валентин Колесников
Лабиринты души. Новелла

«Автор»

2023

Колесников В.

Лабиринты души. Новелла / В. Колесников — «Автор», 2023

В новелле “Лабиринты души” раскрываются сюжеты бесконечных реинкарнаций души человека и его сознания на примере приключений в борьбе за выживание на земном жизненном пути с незапамятные времена и до наших дней...

© Колесников В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Валентин Колесников

Лабиринты души. Новелла

Глава 1

Рассвет. Холодный ветер раскачивает ковыль. Степь. Свист в сухих веточках бурьяна поет о чем-то тоскливо и заунывно. Возле большой, с человеческое туловище норы, роет рылом клыкастый хряк, вытаскивая корешки с сырой земли. Ночью шел дождь. Еще висят над степью низкие рваные облака, их кромки тронуты розоватым отсветом утренней зари.

Хряк неожиданно поднял рыло, тревожно хрюкнул и пустился прочь. В отверстии норы показалась черная взлохмаченная копна спутанных волос над блестящей дикой злобой глазами.

Бородатое лицо высунулось на свет и, шмыгнув перебитым, практически раздавленным носом, обернулось в черноту зловонной норы.

– Наш огонь потух! – хриплый простуженный голос мужчины с досадной горечью сказал эти слова, застывая в раздумьях, – Что будем делать?

– Не мог проснуться. Что мы будем делать. Вот скотина, – женским истошным воплем донеслось из смрадной черноты.

Послышался глухой удар. Мужчина нарочито громко изрыгнул звериный рык и громко засмеялся.

– Если ты сдурел, придурок, так убирайся из моей землянки. Много найдется желающих жить здесь... – женщина еще что-то говорила. Но мужчина вылез наружу, показав степи огромную волосатую грудь, мускулистое тело. Он был широкоплеч с длинными руками и короткими ногами. Впечатление такое, что глыба земли или плоский камень встал, вдруг ожившей громадой на колонны ноги. Набедренная повязка из волчьей засохшей шкуры присохла к телу и стала почти как часть его самого. Он огляделся вокруг, стал нюхать воздух по ветру. Нюх уловил свежий запах добычи. Хряк был совсем рядом. Мужчина наклонился к земле, стал внимательно разглядывать недавние следы. Взгляд остановился на густой заросли камыша недалеко. Опыт охотника, верно, подсказывал, что одному ему со свиньей не совладать и голова повернулась в сторону доносившихся людских голосов. Из нор стали появляться другие соплеменники, седые, старые и молодые, и совсем еще дети.

– Трир! – позвал мужчину седой старец.

– Чего тебе? – рассержено крикнул Трир.

– Пахнет свежатиной!

– Знаю, – нехотя ответил Трир. Ему не очень хотелось делить добычу с лишними ртами, а прозорливость старика бесила.

– Возьми помоложе парня... – начал старик, но резким окриком был остановлен:

– А тебе какое дело до этого. Тебе что, есть нечего, так пойди, накопай хрена или диких яблок насобирай, вон, целый сад... – Трир, указал на горизонт, где виднелись заросли кустарников. Старик знал, что живым, в одиночку, с синеющего вдаль леса не выбраться. Звери его быстро съедят и некому будет кормить старуху, и он хитро, прищурив глаз, улыбнулся:

– Без меня тебе его не загнать.

– Да пошел ты, навоз вонючий. – но этим и ограничился, не стал бить старика. К Трир потянулись другие мужчины помоложе и посильнее.

– Что, Обед пришел?! – подошедший мужчина, такой же молодой и сильный храбро спросил, демонстрируя свою смелость.

– Трир, искоса глянул в его сторону и неохотно пробурчал:

– Надо поймать!

Молодой радостно воскликнул:

– Вир, Пит, Мак, ко мне, берите булавы и пойдёмте.

– Стой, – громко скомандовал Трир.

– Куда пойдём!? Хотите вспугнуть? Слушай меня.

Молодежь собралась возле Трир, сбившись в круг. Седой старик ходил вокруг, пытаясь услышать, о чем они говорят. Но те не подпускали к себе лишних ртов, стараясь все сделать меньшим числом участников.

«Ты, Гид», – сказал Трир, своему оппоненту, – пойдешь слева, с краю, поставь своих парней Вира, Пита и Мака так, чтобы можно было не пропустить свинью. Загоним его в болото.

Все поняли. Разбившись в цепь, двинулись в сторону камышей. Охота началась. Седой старец, пряча слезившиеся глаза, вернулся в землянку.

– Это ты, Кот? – старушка маленькая, ссохшаяся, но еще с молодым блеском в глазах окликнула его.

– Я, – глухо сказал Кот. – Они меня не взяли. В бледном огоньке лампадки коптившей в углу землянки старушка увидела блеск слез на щеках супруга.

– Не печалься, Кот. Я знаю, что сделать!

Кот помнил, мудрость его жены всегда спасала их от холода и голода. Дети выросли и забыли стариков. Прогоняли от вкусной еды, ворча:

“ Все умерли, а вы еще жрете наш хлеб”.

Но мудрая Та сказала:

– Шел дождь. Костры погасли. Только у нас есть огонь.

Старик улыбнулся. Лицо его осветилось и помолодело, и они стали ждать результатов охоты.

Старая Та возилась у стены землянки. Она готовилась к предстоящей добыче. Кот посмотрел туда, где стояла твердая и объемистая шелуха тыкв, куда можно набрать воды и пить из нее.

"Зачем ей это?" – любопытно подумал старик. Но не стал спрашивать, а продолжал наблюдение.

Та нашла плоский и большой камень. Затем, еще в одной высушенной тыкве обнаружила тертую муку из овса. Убедившись, что капли от дождя не намочили ее, облегченно вздохнула. Сложив утварь в сухом месте, она принялась ждать возвращения охотников. Вскоре с победными криками пришли мужчины, волоча за собой огромного секача.

Молодые возбужденно делились впечатлениями. Кричали и смеялись. Трир и Гид солидно молчали, таща хрюка за задние ноги. Каждый думал о половине добычи. Но о дележке старались молчать до поры до времени.

Когда все поравнялись с местом, усеянным костями животных и большим кострище, Трир первым громко сказал:

– Слушай все. Я беру половину задней части!

– Я беру половину задней части! – выкрикнул Гид.

– Ну, бери! – насмешливо ответил ему Трир. Гид знал, что это значит. И уже смелее спросил:

– Ну а что ты мне дашь?

– Другая половина и голова на вас всех, кто возражает пусть берет.

Нахмутив брови, молча и зло сопело сборище соплеменников.

– А на чем жарить будем? – не выдержав, ехидно заметил Гид.

Трир поднял голову. Огня нет. Придется, есть сырое. Он вспомнил, как после сырого мяса долго болел живот, а однажды чуть не умер.

У меня есть огонь! – вмешался Кот.

Все в раздражении посмотрели на старца.

– Неси, а то силой возьмем! – поспешил крикнуть ему Гид.

– Та затушит. Давайте стегно от хряка за огонь, и огонь ваш.

– Ты старый доиграешься с нами, – начал Трир, – но память об испорченном желудке напомнила о неприятностях.

– Хорошо, – согласился Трир, – неси огонь!

– Нет, сначала стегно, – упорствовал старик.

– Покажи огонь! – сказал Гид.

Кот скрылся в землянке. Вскоре оттуда вынес горящую лучину. Гид тут же бросился к старику, но тот успел загасить огонек.

– Хорошо, верим. – сказал Трир, – Эй, Вир, иди сюда.

Вир, похожий на медведя, раскачиваясь на кривых ногах приблизился к Триру.

– Возьми этот камень и отсеки стегно.

У соплеменников заблестели алчно глаза. За огонь, почти даром, старик получал такой кусок. Каждый подумал захватить стегно у бедного старика, как только он его получит.

– Подожди, – старик остановил Вира, – можно я соберу кровь?

– Ха-ха-ха! – дружный хохот разнесся степью. – Бери, – выдерживая солидность серьезно ответил Трир.

Кот быстро вынес пустые тыквы и острое лезвие камня.

– Я сам, – с этими словами он стал ловко разделявать хряка.

Когда разгорелся огонь. И теплые языки его согрели пасмурный день. Молодые мужчины племени забыли о стегне хряка, доставшегося Коту. А старик поспешил убраться скорее со своей ношей в землянку и с полным тыквенным сосудом крови. Ни Кота, ни Та больше никто не видел. Все племя собралось у весело потрескивающего костра с нанизанным на жердь хряком над ним. Из землянки стариков доносились ароматы жареного мяса и неведомых приправ. А от самого пламени, порывы ветра разносили щекочущий аромат жарившейся свежатины, доходившей до самых зарослей далекого леса.

В кустах, осторожно крадучись, зорко всматриваясь в даль степи на вьющийся дымок, стоял мужчина. Волосы его были цветом как горящие угли костра, а глаза как черные бусинки. Шкура медведя покрывала его тело, спадала к бедрам. Опоясанный широким кожаным ремнем, он выглядел воинственно. За спиной у него был лук, за поясом стрелы с каменными наконечниками, а в руке копье.

Он был избран племенем и послан за огнем. Огонь – это жизнь и лесное племя лесовиков выбрало своего героя добыть огонь – его задача. Без огня он будет посрамлен и красавица Смарагда не достанется ему в жены.

Черный медведь – так звали лесовика, решил выйти из лесного укрытия в степь. Было страшно не чувствовать поддержку и опору близких деревьев, за которыми можно укрыться или спрятаться в ветвях. А в степи... Казалось все страхи, животные, волки, хищники видят его и мчатся к нему. Черный медведь упал на сырую траву, затих, прислушался. Шорохи примятой травы да шуршание челюстей полевок, – вот и все. Понемногу он успокоился. Затем поднял голову и принялся. Ветер не доносил запаха хищника, лишь запах далекого дыма с готовящейся на ней пищей дразнил и манил к себе.

Черный Медведь решил добыть огонь под покровом ночи. И он стал незаметно подходить к племени степовиков.

Когда хряк был приготовлен, Трир жестом подозвал увальня Вида и худого, крепкого, как жердь, Мака:

– Снимайте!

Молодые воины бойко сняли хряка длинными копьями и бросили на влажную траву под ноги Трир. Вожак схватил горячее стегно и с силой рванул. Стегно с доброй половиной ребер осталось у него в руке.

Издав победоносный крик, так было легче переносить жгучую боль в ладони от горячего мяса, он быстро бросился к своей землянке. Ноя с детьми завизжала от восторга. Сегодня они лягут спать сытыми.

На оставшуюся дымящуюся тушу налетела толпа соплеменников. Как дикие волки, пихая друг друга, царапаясь и таская товарищей за волосы, делили степовики добычу.

Черный медведь, притаившись в камышах, ждал ночи. Он видел, как огромный, как скала, вождь поставил одного молодого воина у костра и что-то ему сказав, удалился.

В сгущающихся сумерках костер то вспыхивал, то угасал. Черный Медведь догадался, воин поддерживает огонь. И когда очередной вспышки не последовало, воин вышел из камышей и осторожно двинулся к костру.

В ночной тишине у потрескивающих углей угасающего костра громко раздался хруст сломанных позвонков, и мягкая не слышная тень нависла тучей над тлеющими огоньками...

Трир тревожно посмотрел в сторону костра, чуть высунувшись из землянки. Скомканной тучей волчьего меха лежал часовой без движений. Костер не дымился. Когда вождь подбежал к кострищу, там лишь мокрая роса укрывала залитые водой угли.

Воин внимательно оглядел место трагедии. Разглядеть следы чудака было нетрудно. Сложив рупором ладони, он издал дикий воинственный крик:

– Га-а-ар-р! – переходящий на рев зверя.

С землянок показались заспанные лица соплеменников.

– Лесовики забрали наш огонь. Смерть врагам!

Гид, Вир, Мак и Кот вмиг очутились рядом с Трир.

– Гид, оставляю тебя за старшего!

Гид облегченно вздохнул, но испуганно огляделся, никто этого не заметил, а Трир продолжал:

– Со мной пойдут Вир и Мак.

И уже на ходу, держа путь к лесу, махнул копьем товарищам. Молодые воины покорно побежали следом. У первых кустарников Трир почувствовал нарастающий страх. Никогда степовики не заходили в заросли леса. Угрюмые деревья пугали, казалось в его глуши живут страшные чудовища и монстры, стоит только приблизиться, как беспощадно будет уничтожен каждый.

Только лютая ненависть перед врагом, уничтожившим очаг степовиков, перебарывала страх. Молодые воины, глядя на воина, бесстрашно шли следом.

В бесчисленном и неведомом разнообразии запахов терялись признаки иноплеменников. Но лесовики тонко чувствовали присутствие чужака. Это был их мир, их рай, их обитель. Ловко прыгая по деревьям, как обезьяны, они могли продвигаться вперед, не отходя к подножию леса. Здесь в ветвях было хорошо слышно любой далекий звук, и новый запах доносившейся с ветром.

Трир со своим маленьким отрядом продвигался по волчьей тропе в заросли, углубляясь все дальше и дальше. Он считал, что направление выбрал удачно, так как тропа всегда выведет его обратно в степь.

На просторной поляне тропа исчезла и затерялась в густой сонной траве. Здесь не так было жарко, как в степи и разноцветье трав, дурманящий их запах, кружил и пьянил голову. Трир остановился и уселся в траву. Надо было прийти в себя и подумать, что делать дальше.

Внезапно их окружили угрюмые рыжеволосые люди. Они появились так неожиданно, что Трир не успел даже вскочить на ноги, как увесистая дубина одного из нападавших опустилась

на его косматую голову, расколов череп на осколки. Жизнь его оборвалась. Вира и Мака лесовики взяли в плен. Оставив труп Трир на съедение диким зверям, племя покинуло поляну.

Покой и легкость мгновенно сменили тяжесть и страх. Тело перестало ощущаться. Трир еще не понял, что произошло, но свобода от отсутствия каких-либо раздражителей и чувств настрожили сознание и он поймал себя на мысли, что боль, страдание, голод, страх и все тяготы бытия остались только в его памяти. Он быстро свыкся с новыми ощущениями и ему захотелось поделиться ими со своими воинами, принести этот новый мир чувств своим соплеменникам. Но, взгляд увидел самого себя лежащим на поляне с изуродованным черепом и бездыханным телом. Картины поляны стали расплываться, таять, на смену им пришла светящаяся туманная мгла, растворяющая его своим блаженством. Память все реже возвращала его к пережитым невзгодам, обостряя еще больше чувства блаженного состояния.

Это длилось довольно долго, пока Трир не стал возвращаться к неприятным, мучительным воспоминаниям. И мгла стала растворять сознание, растекаясь по остаткам памяти блаженством и наслаждением покоя. И когда это стало до такой степени хорошо и уверенно утверждать сознание, что мир бытия и острых ощущений сильнее страданий, тогда пришло желание вступить в этот мир. Вернутся к соплеменникам, рассказать им все... В сознании возникли новые слова и мысли, и он вдруг понял, что с ним говорят такие же как он, Трир стал спрашивать новые и уже знакомые голоса о том, как жестока жизнь и как было бы здорово ее изменить. Два, а потом и три, и еще голоса его поддержали. Собрав единомышленников, Трир сообщил им, что пора вернуться и вести борьбу на земле за прекрасный мир. Как хорошо и прекрасно можно жить, не боясь страшных зверей, объединившись с лесовиками. Ходить друг к другу в гости, праздновать и веселиться. Эти мысли захватили его, поддержанные товарищами, помогли раз и навсегда забыть страдания мира и возбудили желание, вернуться домой. Все заговорили об этом. И возвращение началось.

Договорились о возвращении на землю семь друзей. Договорились держатся вместе и жить своим племенем дружбой и идеями борьбы за лучшую жизнь племен без войны. Но пошли старшие раньше. Бледно-зеленоватая мгла сменилась белым туманом, затем голубая дымка открыла просторы степей, лесов, невиданных просторов, залитых водой и каких-то причудливых деревянных коробок, увешанных белыми полотнищами шкур, надуваемых ветром. Трир ощутил, что он падает прямо на скалистый берег в крытую соломой хижину. Друзья его упали раньше, остались в белокаменном городе, а он попал в эту хижину. Когда соломенная крыша возникла в сознании, миг все исчезло и жажда воздуха, и страдальческое желание вдохнуть хоть чуточку воздуха, жить. И вздох произошел. Первый вздох. Сознание к Трир вернулось. Он лежал, связанный по рукам и ногам. Потолок из соломы качался туда-сюда, и над ним склонилась незнакомая женщина и пела что-то. Мухи жужжали у потолка. Песня лилась. Хотелось, есть. И хотение вдруг переросло в плач. Трир был ребенком. Памяти прошлой жизни не существовало. Смутное чутье возвращало его к чему-то, чего никогда, казалось, не было. Он был ребенком. Он родился в семье рыбака. Он был греком. На земле тек век Эллинов. Расцвет греческой культуры. Расцвет могучей Римской империи, покушавшейся на весь соседний мир. Земля Рима родила Александра Македонского. А младенец, родившийся в семье рыбака, должен был стать рыбаком и поставлять отборный улов к столу правителя Афин.

Вот уже десять лет римляне пытаются сломить Афины. Но, каждый раз, когда их корабли подходят к гавани, греки запирали ворота и отчаянно сопротивляясь, отбрасывали врага прочь. Рим оставался ни с чем. После таких набегов хижина рыбака сторала дотла, и ее пришлось отстраивать заново. Главный повар дворца каждый раз уговаривал рыбака остаться в служебном помещении. Перебраться с пожитками ближе к императору. Но грек стоял на своем, отстраиваясь и ведя свой промысел каждый раз, начиная почти с нуля. Мальчику дали имя Маркус. Маркус рос здоровым и смешным. Рано, в семь лет он уже выходил в море с отцом. Просторы моря и работы молодое сердце переполняли радостью бытия. И зачем только люди

убивают друг друга?" – не раз задавал он себе один и тот же вопрос. Мальчик рос смелым и крепким. В его зеленых огромных глазах отражалось море, синее небо. Гармонично сочеталось смуглое тело с черными кудрями волос. Дуги тонких чувственных бровей придавал лицу загадочную романтичность и мечтательность. Не раз, отец, заставлял Маркуса на берегу в одиночестве. Он сидел на черной глыбе, всматриваясь в закат, где последними бликами догорала вечерняя зоря и на ней появлялись первые звезды.

– Сынок, пошли ложиться, завтра рано вставать... – звал отец.

Глава 2

Шли годы. Он встретил ее у стены дворца. Девушка сидела на камне рядом с полными корзинами овощей. Маркус взглянул с любопытством на вьющийся водопад золотистых волос и остановился, чтобы передохнуть и разглядеть ее.

Он снял с плеча корзину с уловом, который нес на кухню во дворец.

Ему вдруг захотелось пошутить с девушкой, подразнить ее.

– Эй, – окликнул он, – а где твой ослик?!

Девушка подняла на него свои миндалевидные глаза и внимательно взглянула.

Маркус разинул рот. Смешливые слова застряли в горле, девушка была прекрасна. Как ангел спустился с небес на землю, чтобы украсить собой благоухание цветов, и пение птиц, так прекрасны были ее глаза и голос.

– Ты, рыбак, отпусти рыбу в море и помоги донести эти овощи на кухню.

– Я как раз туда иду.

Он взял корзину с рыбой на правое плечо, а в свободную левую руку две корзины овощей. Девушка с любопытством наблюдала за живой пирамидой из корзин рыб и овощей и звонко засмеялась, это было смешно.

Маркус медленно повернулся в ее сторону и сказал:

– А теперь веди меня.

И тяжело ступая двинулся за девушкой. Их встретил старший повар в белом колпаке и халате с огромным ножом в руке.

– О, наконец-то, – он был куплен царем у работорговцев и за хорошую кухню царь даровал ему свободу, но повар остался служить.

– Предупреждаю Маркус, это моя невольница! – сказал дружеским тоном он.

– Герк, я не собираюсь еще жениться, – отшучивался Маркус.

– Ну, ну, смотри, – и обращаясь к девушке, – Диана, а ты носи корзины к котлам.

Диана подхватила овощи и тяжело вошла в проем двери.

Маркус с любопытством проводил ее взглядом, полным нежного участия, как будто мысленно находился рядом и помогал справиться с тяжестью корзин.

– Эта девушка дорого стоит, – не унимался Герк, – я купил ее у голландских работорговцев и продавать не собираюсь. Дочь вождя! – с гордостью сообщил он.

– А кто ее отец? Вождь, какого народа?

– Македонии, соседей греков.

– Союзники Рима? – спросил с настороженной ноткой в голосе Маркус.

Герк многозначительно выдержал паузу, затем солидно повернул полное тело и скрылся на кухне.

Маркус взял опустошенную корзину, направляясь к выходу, но тихий голос его позвал:

– Эй, рыбак!

Он обернулся, в проеме двери в переднике и длинной юбке стояла девушка

– Приходи к морю вечером! – сказал он, – посмотрим на звезды.

Она чуть кивнула головой и еле слышно, почти шепотом ответила:

– Приду.

Сердце Маркуса бешено застучало в груди, еле сдерживая дрожь, он нервно и быстро вышел. Задыхаясь от волнения, не глядя куда идет со всего быстрого шага попал под мчавшую лошадь. Животное стало на дыбы, исступленно заржав. В ущелье узкой улочки эхом раздался свист хлыста. И не успев понять, что происходит Маркус ощутил жгучую боль от прикоснувшейся к лицу сыромятной полосы кнута. И только тогда он посмотрел в сторону наносившего удары богатого грека в воинской одежде, стоящего на скрипящей боевой колес-

нице. Маркус отошел назад и поклонился. Но пыл закаленного в боях солдата распался от этого еще больше.

– Ты, жалкий плебей! – орал воин, – ты знаешь кого остановил?!

Маркус разозлился, и, прежде чем получить очередной удар, схватил за руки разгневанного человека. Но, злой и воинственный ездок хватил рыбака кулаком по лицу.

Маркус устоял, сплюнул кровь и отшвырнув пустую корзину поднял воина на руках над своей головой. Лошадь покосилась на сцену борьбы, рванулась бешено вперед. У ездока вожжи были обмотаны вокруг правой руки, и воин с грохотом бронзовых доспехов потащился следом за колесницей, затем молниеносно очутился под колесами. Клочки окровавленного тела разметались по узкой улочке, страшным кровавым следом отмечая последний боевой путь ездока.

Маркус, отряхнув пыль с грязной туники, бросился бежать прочь от ужаса.

На пороге хижины его встретила мать. Он молча отдал ей выреченные за рыбу драхмы, стараясь быть тени, чтобы мать не увидела красную кровавую полосу на лице. Но зоркие глаза уже успели заметить ссадины на теле сына.

– Сынок, что-то случилось? Ты весь не в себе, – мать тепло встретила взгляд сына и мягким тембром голоса продолжила:

– Расскажи мне все.

– Нет, мама, ничего страшного.

Он повернулся и быстро удаляясь к морю спросил:

– Отец давно в море?

– Да, будет к вечеру!

Маркус встревожено шел берегом к тихой лагуне, скрытой мощным пластом вулканической застывшей магмы. С плоской вершины ее, подковообразной скалы, была видна даль моря и редкие утлые суденышки рыбаков.

Маркус, как был в тунике и сандалиях вошел в море, и в одежде поплыл морем, огибая подковообразный выступ. Вскоре он добрался до скрытого пляжа и там только, лежа на песке пришел в себя. Как за щитом, защищаясь от всего мира справа и слева стеной стояла полукруглая стена, обрывом уносясь ввысь. У подножия этих выступов бешено пенилось море, вгрызаясь волнами в черноту застывшей магмы.

Шум моря, усиленный природной акустикой, крик чаек, пережитое, отошло прочь. Приятная пелена усталостью укрыла тело, пришел сон.

Маркус очнулся только с лучами заходящего солнца. Вспоминания прошедший ужас дня, он как ужаленный понял, что сегодня у него будет Диана. Быстро раздевшись, он зажал узел одежды в левой руке и вошел в воду.

Выбравшись на берег, Маркус оделся, обул сандалии и пошел по усыпанному галькой пляжу в направлении видневшейся пристани Трои.

В лучах заходящего солнца медными казались строения, башни, крепостные стены города. Шумно и спокойно плескались волны. В тихом морском воздухе, вечерней прохладой дышал ветерок. Его ласкающие прикосновения убаюкивали сознание, которое в тревожном предчувствии и чего-то так напряженно. У черного камня, изрытого пористой поверхностью, шершавой кожей, покрывающей всю глыбу, стояла девушка. Стройная, как статуэтка была видна ее фигурка, издали, идущему к ней на свидание Маркусу.

– Диана, – остановившись в метрах десяти окликнул молодой рыбак, боясь, что видение исчезнет, растает.

– Да, это я, – ответила, тревожно девушка, – ты ждешь кого-то еще?! – спросила она насмешливо.

– Нет, – он подошел ближе, – я просто не могу еще поверить, что ты здесь, что этот старик Герк тебя отпустил.

– Нет, он меня не отпускал, – глухо ответила она.

И тут только, подошедший Маркус разглядел на руках ее синяки от побоев. Голос девушки дрожал.

– Он бил меня, принуждал к любви. Я сбежала.

Маркус обнял ее. Я сбежала. Маркус обнял ее. Прижал к своей груди. Стал гладить золотистые волосы, утешать девушку словами:

– Я выкуплю тебя.

– Нет, не выкупишь, – встревожено ответила она.

– Почему? – Он отстранил ее и заглянул в заплаканные глаза.

– Он бил меня потому, что приходили солдаты и допрашивали его.

Маркус встревожился.

– Что мог повар сделать?

– Они расспрашивали его о тебе. Они думали, что Герк спрятал тебя.

– Что за чепуха?

– Это не чепуха. За смерть солдата карают галерами. За смерть военачальника бросают львам. Я боюсь за тебя!

– Но почему они искали именно меня?

– Потому что тебя видели.

Она вдруг обхватила Маркуса за шею, стала целовать в губы, глаза. Прикасаются заплаканной влажной щекой к его губам.

Маркус лихорадочно, почти в бессознательном порыве стал ласкать ее тело, волосы, ноги. Время прекратило свое существование для них, для двоих влюбленных сильных и красивых людей. Когда далеко за полночь, в бликах костра, утомленные влюбленные любовались друг другом. Свет пламени оживлял причудливые тени бликами отражаясь в шумящих волнах. Когда звезды обозначили бездну бесконечного пространства над ними, Диана вдруг сказала:

– Любимый мой! Маркус, поклянись. Поклянись, что ты никогда, никогда не разлюбишь меня. Поклянись нашей любовью.

– Клянусь, Диана, что во имя моей любви к тебе я никогда, никого не полюблю так как тебя. Тебя единственную, неповторимую, мою любовь!

У девушки выступили слезы. Ее трепетные миндалевидные глаза излучали такую страсть, такую привязанность, что истинно их могла разлучить только смерть.

– Любимый, мой отец грозный царь Македонян. Он даст нам все. Спаси нас. Давай уйдем от этих мест.

– Как? На отцовском суденышке далеко не уйдем, да и к тому же он должен что-то есть.

– Давай построим плот или еще что-то сделаем.

– Знаешь, что? – вдруг сказал он, – давай захватим корабль и уплывем прямо с рабами к твоему отцу. За твоё спасение они все получают свободу.

– О, это идея. Ты очень умный, Маркус. Диана с восхищением смотрела на него, как на любовника своего спасителя и надежную защиту.

– Стоять на месте! – Громовой голос неожиданно прогремел в ночи и блики костра осветили возникшее из тьмы лицо сторожевого патруля.

– Да тут беглец Маркус. Он убил Григориуса, полководца, – узнал один из солдат.

– Взять их! – скомандовал офицер. Солдаты схватили влюбленных.

– Эту рабыню Герку отправить немедленно. Пусть решает, что с ней делать.

– Не прикасайтесь ко мне, я принцесса царя Македонии.

– Ты бесправная пленница-рабыня. Если не умолкнешь, заткнем рот тряпкой.

Маркус вскочил на ноги и хватил ближнего воина зажатый в руке камнем. Солдат упал без чувств, остальные два молниеносно скрутили руки рыбаку и поставили его на колени перед офицером.

– Знаешь, что тебя ждет! – сказал повелительным тоном командир патруля.

– Я тебе не завидую.

– Отпусти его! – повелительно громким голосом выкрикнула Диана. – Меня похитили работорговцы с Неаполитанского дворца. Мой отец отблагодарит вас, если вы нас доставите в Македонию.

– Заткни ей пасть, – зарычал пришедший в себя солдат. Его зловещий оскал, криво улыбавшегося рта, и налитые кровью глаза, ненависть, сквозившая во всем теле, делали воина извращением преисподни. Он подобрал валявшийся рядом меч, утирая запекшуюся на щеке кровь, двинулся на связанного по рукам и ногам Маркуса. Офицер рукой преградил ему путь.

– Пусти, Галлий, я должен отомстить!

– Нет! Это приказ!

Офицер решительно повторил приказ. Воин успокоился.

– В тюрьму их.

В зловонном помещении стонало еще двое узников, куда втокнули Диану и Маркуса. Галлий со связкой ключей закрыл решетчатую дверь камеры. Запирая ее на ключ, подозвал Маркуса. Рыбак подошел.

– Сегодня ночью я вас вызволю, не спи! – шепотом сказал он, и чтобы отвлечь стражу громко выкрикнул:

– Завтра тебя повесят, моли богов, чтобы тебя сослали на галеры.

Круто развернулся, гремя ключами удалился, унося с собой коптивший факел и последний свет. В крошечной вонючей тьме Маркус отыскал Диану, обнял ее и они сели на пучок сгнившей трухи, которая была раньше соломой.

Маркус тихо шепнул девушке:

– Галлий сказал, что спасет нас. Наверное, хочет выкуп от твоего отца.

– Я буду молить богов. – Ответила шепотом Диана. Глубокой ночью, сквозь дремоту, до Маркуса донесся легкий шорох. Галлий стоял рядом и приложив к губам палец, в бликах факела за решетчатой дверью хорошо были видны его знаки, прошептал:

– Наденьте эти плащи и за мной, только тихо. Беглецы последовали за своим спасителем. Осторожно передвигаясь по тюремным ступеням лестницы, ведущей узким проходом наверх. У верхней ступени спала охрана. Осторожно все трое проскользнули на воздух. У Дианы закружилась голова. Смрад подземелья отравил дыхание и первые глотки чистейшего воздуха, смешанного с благоуханием цветов пьянил, как доброе вино. Она облокотилась на плечо Маркуса, чтобы не упасть, и найдя сильную опору удержалась на ногах. Ускоряя шаг, беглецы направились к морю...

Там на волнах покачивалась лодка с двумя веслами. В дали, под слабым тусклым светом звезд, Маркус различил покачивавшуюся на волнах галеру. Когда лодка отчалила, Галлий сказал не таясь.

– Сколько отец заплатит нам?

– Все зависит от того какими ты нас доставишь к нему! – ответила Диана. Она обрела уверенность принцессы, привыкшей с детства приказывать и повелевать.

Галлий ощутил железные нотки в голосе девушки и ответил сдержанно:

– Моя принцесса, я изменник и мне за измену полагается виселица, я клянусь, что ни один волос не упадет с вашей головы. А что делать с этим плебеем? – указав кивком головы на Маркуса, спросил Галлий.

– Он поедет со мной ко дворцу и, если, что-то случится с ним в пути, не видать вам выкупа, я последую за ним следом.

Офицер, молча и зло греб веслами. В душе он ненавидел рыбака, завидовал ему и на супясь молчал.

На галере их подхватили сильные руки солдат. Галлий отвел Диане и Маркусу каюту, у двери поставил часового. Затем взобрался на мостик и скомандовал:
– Курс не Неаполь.

Глава 3

Барабанщик отстукивал ритм рабам. Весла мерно шлепались за бортом, Галера двинулась в путь к свободе. Рассвет. Море спокойно и тихо. Галера плыла, минуя многочисленные острова Средиземного моря. Буйная растительность островов, многочисленная дичь, позволяли пополнять запасы продовольствия и питьевой воды, особенно не заботясь о сбережении запасов пищи в этом жарком, знойном климате, которая, быстро портилась. Рабов надо кормить и Галлий объявил, что все будут есть досыта.

– Мой господин! – обратился к нему боцман, – Люди спрашивают, что будет с нашим кораблем? Ведь мы воюем с Македонией, она союзница Рима.

– Чепуха, она под властью Рима и обременена податями.

– Мой господин! – не унимался боцман, – Мы можем попасть в плен к римлянам?

– Я же тебе сказал у нас миссия к правителю Неаполя о заключении перемирия. Мы посольский корабль.

– Но, мой господин! Римляне решают, пускать в Неаполь или нет.

– Послушай, Лидий, я приказываю, поднять посольский вымпел. Это военный корабль и мы с военной миссией. Нас должны пропустить.

Вдалеке показалась флотилия римских галер. Они шли под парусами, так как им дул попутный ветер. Спустя пол дня, поравнявшись с флагманской галерой, Галлий услышал приказ:

– Бросить якорь! – кричал римский капитан, – Прибыть командиру с донесением. Галлий облегченно вздохнул.

"Значит, посольский вымпел сыграл свою роль" – подумал Галлий. Судя по голосу, это был корабль македонян на службе у Рима.

Галлий надел парадную греческую амуницию. Вдел в ножны дорогой работы короткий меч и велел подать шлюпку.

На корабле Македонян его встретил суровый капитан и строго начальственным тоном объявил:

– Вы мой пленник. Приказываю корабль не покидать, а вашу галеру отправить в обоз. Мы двигаемся на Афины.

– Простите, адмирал! – обратился Галлий к командующему, – У меня важное донесение императору Неаполя.

– Докладывайте какое? Мои люди доставят царю быстрее, чем на вашей посудине.

– Простите адмирал, но мне велено передать его лично царю. Я помню слово в слово, это касается флота Македонии.

– Мне надо подумать, – адмирал дал знак охране, а заодно и понять Галлию, что разговор окончен. Галлия провели в богато убранную каюту. Через довольно продолжительное время в дверь постучали. Пришел рассыльный:

– Адмирал просит вас прийти к нему на обед.

Галлий с достоинством воина и военачальника, выдержав значительный промежуток времени, пришел к адмиральской каюте. У двери стояли два огромных негра в шароварах и чалмах, украшенных страусовыми перьями. Один из них открыл Галлию дверь. Офицер вошел внутрь. Адмирал доедал остатки обеда. Две невольницы прислуживали ему.

– Итак, капитан, я пригласил вас сюда, чтобы объявить мое решение.

– Какое же решение, адмирал?!

– С моими людьми Вы отправитесь на вашей галере в Неаполь. Они будут охранять вас, но только при одном условии.

– Какое же это условие?

– Если вы поднимете на своей галере Римский флаг.

Галлий ликовал внутри себя, стараясь изо всех сил скрыть радость, он нахмурился и со вздохом сказал:

– Но ведь это же смерть для меня.

– Выбирайте, капитан.

– У меня есть время подумать?

– Нет. Отвечайте немедленно!

– Хорошо, я готов.

Адмирал хлопнул в ладони, в каюту вошел посыльный.

– Сержант, распорядитесь! – махнув Галлию рукой сказал, – Вам передадут флаг, и охрана арестует корабль. С ней немедленно отправляйтесь в Неаполь. Галлий сделал короткий кивок головой, вышел. С двумя солдатами из его галеры и в сопровождении дюжины вооруженных до зубов римлян-македонян Галлий прибыл на свою галеру...

Глава 4

Диана стояла у иллюминатора каюты, наблюдая за союзническим Риму флотом. Она вспоминала эти корабли, гордость отца. Он создавал флотилию на деньги персов, обещая осадить с моря римскую империю, но все обернулось не так. Теперь Рим командовал флотилией Македонян и направил ее против Афин. В каюту внезапно вошел Галлий. Он коротко изложил задачу, завершая словами:

– Отец, Диана, должен вознаградить меня. Но я, Галлий никогда не приму сторону Рима. Я грек! – заявил он.

– Я упрошу отца, чтобы он отпустил тебя и твоих людей в Грецию.

Галлий стал на одно колено и приложил губы к руке девушки:

– О! Моя принцесса, я снова обрел уважение к самому себе. Благодарю! – с этими словами он встал, даже не взглянув на стоявшего у двери Маркуса. Когда за офицером закрылась дверь, Маркус сказал:

– Диана, расскажи, как тебя похитили?

– Во дворец прибыли послы, северные викинги. Они принесли дары, оружие, драгоценности, меха. Это были голландцы. Суровые лица и среди них были с светлыми волосами воины. Они обещали отцу выгодную торговлю. А также помощь в покорении северных народов в обмен на посуду, золото, ковры и всего, что может поразить воображение северян, – она прервалась, на глаза навернулись слезы. Помолчав, стала говорить дальше:

– Но, ночью они похитили меня. А утром, когда я очнулась на вражеском корабле, Неаполя не было видно, только Везувий дымился на далеком горизонте.

Весла со страшной частотой плескались, унося меня с дюжиной невольниц, все дальше и дальше. Это были работоторговцы. Они веселились и пили много вина...

На седьмой день пути Везувий как далекий костер в степи, возник маленьким дымком на горизонте моря, и был виден уже с палубы. Диана взволнованно следила, не отводя глаз от этого чуть заметного маяка. Она бродила по палубе, нервно теребя тунику, пока бородатый солдат, зорко следивший за девушкой, не крикнул ей:

– Прочь! Убирайся в каюту! – Он увидел, как девушка вздрогнула, обиженно застывая на месте. Маркус вовремя появился возле растерянной девушки. Он обнял ее за плечи и увел в каюту.

Спустя половину дня, когда солнце особенно нещадно жжет все живое вокруг, а море становится похожим на расплавленный до бела металл, грозный Везувий стал на горизонте как великан, в зеленеющих склонах и убеленной снегами вершине.

Боевая галера медленно приближалась к пристани Неаполя. Уже можно различить вдалеке на берегу людей спящих, как муравьи, разгружающих торговые суда. На желтых камнях порта виднелись султаны посольских кораблей и галер. А флота, обычно стоявшего на рейде, не было. Он был послан царем Македонии на усмирение Афин. Цезарь Рима пообещал союзнику отдать всю Грецию и царь, обиженный тем, что греки купил его подлю похищенную дочь Диану у варваров решил на это.

Рим умело воспользовался подарком Викингов и поссорил-таки единоверцев между собой. Греки хоть и знали, что Македоняне союзники Рима, но никогда не ждали угрозы от Неаполя. Но факт остался фактом.

Галера стукнулась о стенку причала. В каюту вошел Галлий:

– Оставайтесь на местах пока я вас не позову.

Когда он вышел, Маркус решил проверить обстановку, выглянув вслед за ним.

Два здоровенных негра, как скалы стояли по сторонам, и он поспешил закрыть за собой дверь.

– Придется ждать, – со вздохом сказал он.

– Но милый, мы же дома.

– Да, дома, но мы все же в плену. И неизвестно, сколько запросит Галлий за тебя, и вообще, что ему нужно еще?

А тем временем под конвоем двоих солдат, македонян, Галлий стоял перед царем Неаполя.

– Что привело тебя ко мне? Знаю, Афины прислали молить о пощаде. Но, пощады, не будет! – отведя в сторону черную курчавую бороду и устремив взгляд в окно, твердым голосом ответил царь.

– Многоуважаемый властелин Неаполя. Я привез тебе твою дочь и хочу просить тебя о возвращении флота и о мире.

– Что!? Ты смеешь издеваться надо мной? Гневно сверкая миндалевидными глазами и топнув ногой, закричал царь.

– О нет, извольте убедиться сами, она находится в каюте галеры.

– Если с нею сделали что-то или хоть упал один волос с ее головы, Вы дорого заплатите мне. – И дрогнувшим голосом царь приказал секретарю, – Немедленно коней. На пристань!

Глава 5

Через минуту обезумевший от долгих дней отчаяния отец в сопровождении головорезов-телохранителей скакал к пристани. Галлий еле поспевал следом. Его лошадь брыкалась под чужим седоком и норовила сбросить ношу, но искусный воин знал повадки лошадей и умел управляться с любой. Отец, расталкивая стражу, ворвался в каюту.

– Диана! – вскричал он.

Дочь бросилась в объятия повелителя Неаполя. Неожиданно потемнели небеса. Раздался страшный гул, затем взрыв оглушительной силы рассек жаркий воздух. Извержение Везувия началось.

Маркус вскричал:

– Немедленно отчаливайте в море. Нас может спасти только море. Царь бешено вращал огромными глазами, ничего не понимая. А матросы с невольниками уже отчаливали от пристани. Огромные куски раскаленных пород шлепались то тут, то там в черноту моря, густо покрытого пеплом.

Весла усиленно работали, уплывая от страшной катастрофы в кромешной тьме. Солдаты, охрана и часть рабов сметали за борт густо сыпавшийся пепел, гасили раскаленные бомбы, попадавшие на деревянную палубу водой, и молили богов о спасении. Через двадцать часов огромное облако отнесло ветром и в предрассветной мгле, спасшиеся чудом люди попадали утомленные в глубоком сне, кто где стоял.

Лишь царь Неаполя и принцесса жались друг к другу в почерневшей, от проникающей в щели каюты черной пыли, одежде.

Маркус был на палубе и когда, шатаясь от усталости он ввалился в каюту, то перед изумленными зрителями предстал весь черный до неузнаваемости человек.

– Это ты, Маркус?! – удивленно спросила Диана.

– Да, да, это я. Хвала богам, мы спасены.

– Что стало с Неаполем? – спросил царь.

– Только можно догадываться, – ответил Маркус, – Земля гудит, море грохочет, толстый слой пепла гасит силу волны и искусство гребцов и всей команды спасли нас от неминуемой участи.

– Не знаю, как тебя благодарить.

– Мне незачем твоя благодарность. Диана любит меня, благослови нас.

– Диана, это так?! – властно спросил отец.

– Это надежный человек, отец, он будет мне хорошим мужем, а тебе опорой.

– Ну хорошо, подойди ко мне, рыбак.

Маркус встал и подошел к ним.

– Дети мои, возьмите друг друга за руку...

Глава 6

Когда церемония была окончена, царь сказал Маркусу:

– Позови капитана, сын.

Флотилия македонян, численностью в сто галер подошла к стенам Афин в то самое время, когда грозный Везувий пробудился от многовекового сна.

На галерах войска готовились к штурму. В небесах сияло солнце. Зной выжигал жалкие остатки прохлады с клочков уцелевшей еще тени на галерах и на берегу. Латы солдат раскалились на Солнце и прикасаясь к открытому телу оставляли ожог. Чтобы как-то облегчить участь подчиненных воинов, командиры приказали черпать воду медными ведрами и поливать всех. И это решение взбодрило войско, стоял смех и весело, и шумно в предвкушении богатой добычи солдаты готовились к штурму, как к празднику. Война будоражила кровь, бурлила в каждом как молодое вино, порождая новые чувства, возбуждая и обостряя умы воинскую смекалку.

И когда, галеры подошли к берегу, и когда командиры поставили перед каждым задачу штурма, задрожала земля. Далекие раскаты грома, вселили страх. Над войсками воцарилась мертвая тишина. На крепостных стенах Афин, застывшие как изваяние греческие воины, повернулись к холму богов, где виднелся храм Артемиды. Защитники крепости стали на колени, губы непроизвольно бормотали молитвы благодарности, вознося руки к небесам:

"О всемогущий Зевс! – зывали они, – ты не оставил нас, ты поразишь врага!"

И произошло чудо, огромная волна обрушилась на похожие на щепки с высоты крепостных стен, суда. В криках отчаяния, смешались, людские тела, бревна и мачты, все что было когда-то Флотилией в доли секунды превратилось в сплошное месиво. Ударом этой гигантской волны, разбило Флот и бросило горы трупов к подножию крепостных стен. Так закончилась осада Македонским флотом Афин, без единой пролитой греческой капли крови. Жители Афин ликовали, праздник жизни забурлил вновь, сменившись отчаянием и боли на веселье и смех. К храму Артемиды бросились женщины и дети. Они несли цветы, драгоценности, вино – дары богам. А ответом богов был гул земли и приход новых волн, которые смывали трупы в море, очищая окрестность крепостных стен. Оставшиеся в живых, чудом спасшиеся воины цеплялись за деревья и зывали врагов о помощи. Греки показывали на несчастных пальцами и смеялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.